

ЦВЕТУЩЕЕ МНОГООБРАЗИЕ ПРИКЛАДНЫХ АНТРОПОЛОГИЙ

От приглашенного редактора

МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ АЛЕКСЕЕВСКИЙ^[1]

✉ ALEKSEEVSKY@STRELKA-KB.COM
ORCID: 0000-0001-9933-4374

^[1]ЦЕНТР ГОРОДСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ КБ СТРЕЛКА, МОСКВА, РОССИЯ

Для цитирования статьи:
АЛЕКСЕЕВСКИЙ, М. (2019). ЦВЕТУЩЕЕ МНОГООБРАЗИЕ ПРИКЛАДНЫХ АНТРОПОЛОГИЙ. От приглашенного редактора. *Фольклор и антропология города*, II(3–4), 9–13. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-9-13.

THE BLOOMING DIVERSITY OF APPLIED ANTHROPOLOGIES

A guest editorial

Mikhail D. Alekseevsky^[1]

✉ ALEKSEEVSKY@STRELKA-KB.COM
ORCID: 0000-0001-9933-4374

^[1]CENTRE FOR URBAN ANTHROPOLOGY, STRELKA KB, MOSCOW, RUSSIA

TO CITE THIS ARTICLE:
ALEKSEEVSKY, M. (2019). THE BLOOMING DIVERSITY OF APPLIED ANTHROPOLOGIES: A GUEST EDITORIAL. *URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY*, II(3–4), 9–13. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-9-13. (IN RUSSIAN).

Еще совсем недавно про прикладную антропологию в России принято было говорить переиначенными стихами из советского мультфильма про Винни Пуха, что «это странный предмет; вроде бы он есть, а вроде бы его и нет». Всего пару лет назад, в первом номере журнала «Фольклор и антропология города», я сам публиковал эссе, в котором на примере собственной научно-карьерной траектории пытался доказать, что прикладные антропологические исследования в России не только в принципе возможны, но и уже активно ведутся [Алексеевский 2018]. Сейчас этот текст кажется наивным, ведь уже нет никакого смысла доказывать кому-то, что российская прикладная антропология существует. Это и так всем очевидно.

Антропологическими исследованиями по заказу государственных структур, бизнес-корпораций, общественных организаций занимаются и специальные центры в вузах, и небольшие исследовательские компании, и отдельные ученые-фрилансеры. На наших глазах формируется сложно устроенный рынок прикладных антропологических исследований, где у различных игроков есть свои ниши, своя специализация, свой набор постоянных клиентов. И сейчас главная проблема заключается не в том, чтобы понять, быть или не быть прикладной антропологии в России, а в том, чтобы разобраться, как и чем занимаются все эти исследователи, для кого они работают, каких результатов добиваются.

Дополнительная сложность состоит в том, что все эти многочисленные прикладные проекты обычно проходят как бы вне зоны действия радаров академической науки. Если обычно ученый заинтересован в том, чтобы рассказать коллегам о своей научной работе и опубликовать ее результаты, то в случае с прикладными исследованиями такой необходимости нет. Иногда у прикладного антрополога нет времени, сил и мотивации, чтобы доводить до публикации результаты исследования, а иногда он просто не может этого сделать из-за «соглашения о неразглашении», согласно которому эти результаты становятся «коммерческой тайной», бережно охраняемой заказчиком.

Данный номер журнала – это попытка решить эти проблемы и устроить полноценную ревизию состояния прикладной городской антропологии в России. Неслучайно помимо традиционной рубрики «Актуальные исследования», где собраны новые статьи, в этом номере появился раздел «Кейсы», в котором представлены своего рода «профайлы» прикладных антропологических проектов, реализованных за последние несколько лет различными командами ученых по совершенно разным темам: от масштабного исследования про бренды и символы Нижнего Новгорода до изучения практик потребления крафтового пива в барах методом включенного наблюдения. Познакомившись с этими разнообразными проектами и сравнив их между собой, любознательный читатель получит возможность увидеть, какие задачи способны решать прикладные антропологические исследования, какие методы в них используются, кто заказывает эту работу и кто ее выполняет.

Российские ученые, которые с энтузиазмом начинают заниматься исследованиями на заказ, зачастую плохо представляют, как развивалась прикладная антропология за рубежом, какие теоретические и методологические проблемы были для нее характерны в разные эпохи, какие вызовы перед ней стоят сейчас. Между тем, в Великобритании термин «прикладная антропология» впервые был использован еще в 1881 году [Bodley 1990: 183], и, как отмечают историки науки, «генезис прикладной антропологии не так-то легко отделить от зарождения и развития дисциплины в целом» [Rylko-Bauer et al. 2006: 179]. Социальная антропология, сформировавшаяся под сильнейшим влиянием колониальной политики Британской империи, изначально была ориентирована на решение практических

задач, которые были актуальны для колонизаторов, сталкивающихся с «туземцами», и в это время жестких границ между «практической» и «теоретической» антропологиями не существовало [Purcell 1998: 261–263]. В дальнейшем прикладная антропология постепенно начинала оформляться как отдельная субдисциплина (в 1920–1930-е годы появляются и пионерские работы в области бизнес-антропологии [Vaba 2012]), однако чем активнее происходило ее развитие, тем более остро вставали вопросы, связанные с этикой подобных исследований, как по отношению к колониальному прошлому [Lewis 1973], так и по отношению к корпоративному настоящему [Bainton 2012].

В данном номере проблемы, связанные с этикой прикладных исследований, рассматриваются сразу в нескольких разделах. Во-первых, этические аспекты взаимодействия прикладных исследователей с информантами исследуются в двух переводных статьях из рубрики «Классика жанра». В совместной работе Сеты Лоу и Салли Мерри подробно рассматривается история вовлеченной антропологии (*engaged anthropology*) и обсуждаются сложные вопросы ее взаимосвязи с активизмом. Совсем с другой стороны к теме вовлеченной антропологии подходит Тамара Хейл, занимающаяся корпоративной дизайн-антропологией; она предлагает отказаться от взгляда на людей как на «пользователей» или «клиентов», чей опыт изучает исследователь, и активнее раскрывать холистический потенциал антропологии.

Взгляды российских исследователей на вопросы, связанные с этикой прикладных исследований, представлены в рубрике «Рефлексия антрополога». Если Маргарита Чубукова обсуждает этические сложности, связанные с работой прикладного городского антрополога, больше с точки зрения теории и методологии, то Олег Базалеев делится практическим опытом работы в качестве корпоративного антрополога в транснациональных добывающих компаниях, работающих в развивающихся странах, и предлагает свой взгляд на то, как выстраивать баланс между интересами компании и защитой прав местных жителей. Ценным дополнением к дискуссии об этике прикладных исследований становятся материалы семинара по этой теме, который прошел на факультете антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Многообразие подходов к прикладным антропологическим исследованиям демонстрируют и другие разделы номера. В рубрике «Интервью» представлены беседы о прикладной антропологии с российскими, украинскими и американскими учеными. Особый интерес представляет групповое интервью с создателями киевского Центра прикладной антропологии, которые всего за несколько лет существования успели организовать и провести три международных семинара, выпустить несколько монографий, освоить проведение коммерческих исследований и, что самое важное, популяризировать антропологию в украинском обществе.

В разделе «Цифровая антропология» на примере оценки социальных эффектов благоустройства общественных пространств Москвы по программе «Моя улица» рассматриваются методологические вопросы, связанные с проведением постпроектных исследований. В традиционной рубрике «Мониторинг актуального фольклора» анализируется протестный дискурс участников митингов против реновации пятиэтажек в Москве и объясняется, почему программа, задуманная как «подарок» москвичам, вызвала такое отторжение у многих «благополучателей». В разделе «Полевые материалы» представлены материалы прикладного антропологического исследования, посвященного устной истории одной из старейших московских электростанций ГЭС-2 и профессиональной повседневности ее бывших сотрудников. Исследование было проведено по заказу фонда V-A-C, который занимается созданием культурного пространства ГЭС-2 в здании закрытой в 2016 году электростанции. Наконец, органично завершают номер рецензии на сборники и монографии последних лет, посвященные тем или иным аспектам прикладных антропологических исследований.

Работа над этим номером оказалась непростой. Несколько текстов для раздела «Кейсы» не удалось опубликовать из-за того, что заказчики прикладных исследований отказались давать разрешение на публикацию их описаний. Некоторые иностранные бизнес-антропологи так и не ответили на просьбы об интервью. Не все тексты, обещанные в номер, в итоге были предоставлены авторами, жаловавшимися на сильную занятость, вечный бич прикладных исследователей. Но и в таком виде этот номер получился самой большой и представительной публикацией материалов по городской антропологии в России. Хочется думать, что это только начало серьезного разговора на актуальную тему, и в скором будущем разного рода прикладных антропологических исследований будет еще больше. Как говорится, пусть цветут все цветы!

Литература

- Алексеевский, М. Д. (2018). Трудности перевода: Заметки о развитии прикладной городской антропологии в России. *Фольклор и антропология города*, 1(1), 204–213.
- Baba, M. (2012). Anthropology and business: Influence and interests. *Journal of Business Anthropology*, 1(1), 20–71.
- Bodley, J. (1990). *Victims of progress*. Mountain View, CA: Mayfield.
- Bainton, B. R. (2012). Applied ethics: Anthropology and business. *International Journal of Business Anthropology*, 3(1), 114–133.
- Lewis, D. (1973). Anthropology and colonialism. *Current Anthropology*, 14(5), 581–602.
- Purcell, T. W. (1998). Indigenous knowledge and applied anthropology: Questions of definition and direction. *Human Organization*, 57(3), 258–272.
- Rylko-Bauer, B., Singer, M., Van Willigen, J. (2006). Reclaiming applied anthropology: Its past, present, and future. *American Anthropologist*, 108(1), 178–190.

References

- Alekseevsky, M. (2018). Lost in translation: Concerning the development of applied urban anthropology in Russia. *Urban Folklore & Anthropology*, 1(1), 204–213. (In Russian).
- Baba, M. (2012). Anthropology and business: Influence and interests. *Journal of Business Anthropology*, 1(1), 20–71.
- Bodley, J. (1990). *Victims of progress*. Mountain View, CA: Mayfield.
- Bainton, B. R. (2012). Applied ethics: Anthropology and business. *International Journal of Business Anthropology*, 3(1), 114–133.
- Lewis, D. (1973). Anthropology and colonialism. *Current Anthropology*, 14(5), 581–602.
- Purcell, T. W. (1998). Indigenous knowledge and applied anthropology: Questions of definition and direction. *Human Organization*, 57(3), 258–272.
- Rylko-Bauer, B., Singer, M., Van Willigen, J. (2006). Reclaiming applied anthropology: Its past, present, and future. *American Anthropologist*, 108(1), 178–190.